

Сияние России

Центр Русской духовности и культуры

✠ ВАЛЕНТИН РАСПУТИН

КАК ЭТО БЫВАЕТ

Осенью 1993 года в нескольких городах по России «урожаем» прошли праздники русской культуры. Об одном из них — в Омске — мне рассказал Александр Васильевич Шахматов. Шахматова у нас представляют как русского человека из Австралии, а в Австралии родные его братья говорят о нем: русский человек из России. Россию Александр Васильевич, гражданин Австралии, по судьбе рожденный в эмиграции, в последние десять лет исколесил вдоль и поперек и знает ее чуть ли не лучше любого из нас. Свою громкую славу оперного певца, которому аплодировал весь мир, он как-то естественно и со свойственным ему благородством перевел в славу неустанного и талантливого русского патриота. За искреннее слово, за песню и душу его полюбили в Сибири и на Кубани, на Волге и в Беларуси. И чем труднее, чем гаже от новых порядков становилось у нас, тем дольше он оставался здесь. У нас ведь как: своего, доморощенного, будь он хоть семи пядей во лбу, слушают вполуха, именно потому, что он свой, вскормленный на приевшихся хлебах, но если знаменитость из Австралии не считает Рос-

сию бросовой страной, а русского человека не берет за никчемного, — как ему не поверить?! Вот и не знает отдыха Александр Васильевич, ездит из края в край как добровольный полпред русского сердца. В Австралию возвращается ненадолго — только затем, чтобы выхлопотать очередную визу, и сразу обратно.

На омский праздник, рассказывал Александр Васильевич, когда мы сидели с ним за чаем, приезжал Кубанский казачий хор, пела Татьяна Петрова. И было недельное торжество народного искусства, яркое, звонкое, брызжущее радужными красками, не сравнимое с мертвым буйством дорогих светошоу, на которые так падок сделался новый обыватель. Я слушал Шахматова и все больше соглашался: вот что надо. Один Кубанский хор, руководимый Виктором Захарченко, за вечер вернет к отчему порогу сотни заблудших душ, одна Татьяна Петрова песней «Встань за веру, Русская земля» или «Нюка, матушка, встань с колен...» из самых глухих зарослей запустения вызовет и оживит строй ополченцев. Устное слово не отменяется, оно не может отмениться в

нашей разобщенной на регионы, как на удельные княжества, стране, в отдаленные углы которой новости русской культуры доходят труднее, чем при обозном сообщении, честных и талантливых писателей там показывать необходимо, но ведь и чистая песня жива, и кино, пусть малой частью, но осталось, и театр... Не все же напропалую продаться за тридцать сребреников и принялось горланить и отплясывать непотребство. Слово ищет души как бы извне, ищет нередко вслепую, а родные распевы выводят душу изнутри. Вот и надо вместе, с двух сторон.

Мне не пришлось долго убеждать в необходимости такого праздника мэра Иркутска Бориса Александровича Говорина. Он согласился сразу и с заметным воодушевлением, точно ждал этого предложения. В первую же встречу мы договорились о календаре: первая декада октября. Еще тепло, страда закончена, студенты и дачники вернулись в город, человек после летней выветренности ищет наполнения. «Людей надо поддержать» — так понимал Борис Александрович назначение праздника, имея в виду вообще свалившиеся на человека напасти, от которых нетрудно потерять и волю и дух. И сразу же было решено: праздник русской духовности и культуры. Не рыночной, не перестроечной, не российской, а русской. Хватит прятаться под чужие одежды и выглядывать из-под них пугливо, не обидели ли кого, разговаривая на родном языке. В Иркутске более десяти центров культур — и бурятской, и польской, и еврейской, и татарской, и армянской... в последнюю очередь, пока не отказали в праве на существование, с огромным трудом был создан центр русской культуры, из общей суммы превратившись в малое единичное число.

Позднее, когда начал действовать оргкомитет, пришло и название праздника: «Сияние России». Эх, как изощрялись острячки: чем ей сиять-то, кроме... Потом пришлось прикусить язык: есть чем сиять, такие у нас богатства, такие таланты! — никаким могильщикам не похоронить.

В первую же осень приехали Валерий Ганичев и Игорь Шафаревич, Ксения Мяло и Семен Шуртаков, Василий Белов и Владимир Крупин, Станислав Куняев и Александр Казинцев, Валентин Курбатов, Петр Краснов и Леонид Бородин. Пели Татьяна

Петрова и Александр Шахматов. Самые большие залы в городе были переполнены. Слушали — точно после долгой глухой блокады. Тогда еще близко было от расстрела Верховного Совета, и каждое слово, каждая песня, принимались как опаленные порохом, вырвавшиеся из окружения. Игорь Шафаревич привез документальный фильм с его участием — «Третья Отечественная». На первые встречи приглашались казаки на всякий пожарный случай, но опасения, слава Богу, оказались излишними, и казаки потом приходили на встречи только по духовной потребности. Посыпались просьбы: и к нам, и к нам, и в наш университет, и в наш центр... Университетов и центров развелось теперь столько, что не успеваешь разобраться, чем они живут, граждан какого мира воспитывают. «Сияние» помогло высветить многих. Сначала устраивались встречи в Академгородке, который известен у нас как цитадель ельцинской демократии. Но на патриотов младшие научные сотрудники шли скромно: за минувшее десятилетие они затаились в обиде и на Ельцина, и на Россию, и на все на свете. Пришлось оставить их в покое. Точно так же ушло «Сияние» и с филологического факультета госуниверситета, который когда-то заканчивали и я, и Вампилов, и многие другие иркутские писатели. И там разговор не получался: кафедра современной русской литературы из русской литературы «выросла» и устроила в ней, как в комнате, в которую въехали новые хозяева, по своему вкусу перестановку имен, выставив «обветшавшие» за дверь. Но это в духе времени, в переворотном духе — пущай их! Не всегда старые стены надежнее новых, и не всегда новые устраиваются по чужим образцам. Было бы надежно дело, а стены найдутся.

Зато в педагогическом университете, в политехническом, в областной библиотеке, в библиотеке им. семьи Полевых писателям всегда рады. И даже тревожатся заранее: не обошли бы стороной. Не однажды приходилось нам с частью гостей, не окончив затянувшейся встречи, срочно переезжать в другую аудиторию, для которой подоспело время, а часть оставлять для продолжения разговора. Нам удавалось разделиться, а зал при этом приходил в волнение, всегда найдутся энтузиасты, которым — хоть разорвись! — хочет-

ся одновременно и туда, и туда. В новом зале на другом конце города встреча уже на середине, вдруг от дверей надавливают, сначала осторожно, виновато, затем все решительней, нетерпеливей, это подъехали те, ненасытные, и Юрию Кузнецову или Нине Карташевой приходится снова подниматься и читать стихи.

Перед концертами Татьяны Петровой и Евгении Смольяниновой (Евгения Смольянинова была у нас трижды) городскому отделу культуры влору было прятаться: шли и шли за билетами, умоляли и настаивали, звонили из других городов, ехали классами. И почти всегда своего добивались. Надо отдать должное городскому отделу, а затем, когда с переходом Б. А. Говорина в губернаторы «Сияние» приняло губернский размах, и областному комитету по культуре: они не старались заработать на этом паром вырывающемся интересе, и большая часть залов отдавалась слушателям бесплатно. Однажды, когда во второй свой приезд Женя Смольянинова исполняла «Если мать еще живая, все святится на земле...» и зал отвечал всхлипываниями, я поймал себя на том, что в смятении и невпопад повторяю: неоплатно, неоплатно, всегда неоплатно...

После первого же праздника нам пришлось принимать заявки, устные и письменные, пригласить того-то и того-то, уговорить во что бы то ни стало, без них нельзя. Из многих и многих таких заказов не удалось выполнить лишь три — на Вадима Кожинова, Михаила Ножкина и Юрия Власова. Я не говорю о небожителях, вроде Дмитрия Хворостовского, до которого не достать, не говорю о дорогих персонах, стоящих тугие долларские пачки, русские имена которых звучат все отчужденней. К нам едут не заработать, а поработать во благо отеческого дела. Долго отнекивался, справедливо ссылаясь на письменный стол, Владимир Личутин, наконец оторвался, побывал и теперь спрашивает: «Когда пригласите еще?» Леонид Бородин — иркутянин и готов приезжать каждую осень. Владимир Крупин и Валентин Курбатов, легкие на ногу и прежде бывавшие в Иркутске не однажды, не отказываются и теперь, когда время для нашего брата-шестидесятника и около того уплотнилось до предела. Мало кто верил, что удастся привезти Санкт-Петербургскую

хоровую капеллу под управлением Владислава Чернушенко, и вдруг (именно «вдруг», как в сказке) увидели, услышали и ахнули от восторга, иссекавшие сладкие слезы. Малый театр показывал спектакль «Не в свои сани не садись», Василий Лановой приезжал с фильмом «Барышня-крестьянка» по Пушкину. Огромный зал кинотеатра «Баргузин» отказывался отпускать Александра Михайлова, не только замечательного актера, но и замечательно умного собеседника.

За весь «каскад» праздников (не говоря о последнем) в Иркутске, кроме уже названных гостей, побыли Георгий Жженов, Станислав Говорухин, Николай Олялин, Никита Михалков, Анатолий Заболоцкий, Николай Бурляев постоянно привозит сюда «Эхо «Золотого витязя». Из писателей и светлых голов: Владимир Костров, Николай Рачков, Сергей Есин, Александр Сегень, Владимир Бондаренко, Юрий Лоциц, Александр Панарин, Сергей Лыкошин, Владимир Толстой, Сергей Кара-Мурза, Олег Платонов, Сергей Небольсин, Геннадий Гусев, Михаил Назаров, Александр Бобров, Николай Коняев, ныне уже покойные Эдуард Володин и Михаил Ворфоломеев и многие-многие другие.

Потребовалась помощь учителям — прошли встречи с Ириной Стрелковой, Надеждой Крупиной, Всеволодом Троицким, Иваном Федоровичем Гончаровым, радителями отечественного образования.

Конечно, нам помогает Байкал. Когда приглашаешь — не так-то легко отказать, если за приглашением, сразу приблизившись, обещающая себя, стоит оно, наше «славное море». Какой же Иркутск, какой же праздник без Байкала, без того дня по окончании работы, сполна, с утра до вечера, отданного ему! Покачаться на его волне, подивиться хозяйской мощи и переменам настроения, похлебать ущицы, сполоснуться в воде октябрьского настоя... Да и не сполоснуться, а ухнуть в нее с отчаянного разбега, выскочить как ошпаренному, без сердца и дыхания, и сломя голову кинуться в гору, чтобы сбить огонь не то от холодного, не то от горячего кипятка. Очень бодрит эта процедура, убирает недельную усталость моментально. До сих пор Байкал не подводил. Бывало прохладно, с продиристым ветерком, бывало чуть не по-летнему тепло, и ни разу еще не штормило до того, что нельзя выйти

в море, и гости постоянно встречались радушно. Хорошие, значит, бывают люди, хорошим в Иркутске занимаются делом.

Праздник наш не был бы праздником во всей его необходимой полноте без участия в нем и без духовной опеки владыки Вадима, архиепископа Иркутского и Ангарского. «Сияние» и начинается с крестного хода, со звона колоколов, пробуждающих души, и службы на соборной площади подле двух древних в Иркутске храмов. Вместе с нами идет затем владыка Вадим в аудитории и обращается к слушателям, находя высокие и красивые, воистину праздничные слова. Слово его о Пушкине в год 200-летнего юбилея перед студентами было и мудрым, и свежим, сказанным с какой-то особой интонационной добротой и любовью. Приезжает на концерты, остается, чтобы поделиться впечатлениями. И благословит, и поблагодарит, и пригласит на трапезу, и предложит помощь.

И не было еще случая, чтобы не нашли время встретиться с гостями губернатор области Б. А. Говорин и мэр Иркутска В. В. Якубовский.

Всякий раз приглашает к себе Театр народной драмы — без участия этого театра в празднике его, праздник наш, и представить нельзя.

Само собой разумеется, что не обходится «Сияние» и без иркутских писателей. В эти дни они и на сцене, и в зале, по своей программе проходят встречи в школах и училищах, в библиотеках, и на

предприятиях. Работы хватает всем. В эти же дни устраиваются выставки художников, премьеры спектаклей и фильмов, происходит торжественное открытие то театра, то музея. Словом, выставляется и показывается все, что достойно похвалы и гордости. Заканчивается «Сияние», переходя в День области, сводным, прямо-таки могучего звучания, фольклорным праздником.

Жив, курилка, русский человек!

Я постоянно повторяю: праздник, праздник... Но на наших писательских встречах с самого что ни на есть прозаического содержания, разговор зачастую бывает непраздничным — откровенным и горьким, как сама жизнь. Но ведь и правда, какой бы она ни была, есть необходимое условие исцеления и ободрения, и она «празднична» среди близких по духу и строю людей. ...Все мы, кажется нам, все знаем, обо всем из происходящего сейчас в России догадываемся. Но знаем как-то отрывочно, прерывисто, недодуманно. А на таких встречах являются связность и полнота. И мы вспоминаем о той живой воде, которая способна великие дары нашего народа вызвать к действию, напоить их весенними соками. Она, эта живая вода, есть только родное, в прямом смысле лежащее у нас под ногами.

Хочется верить, что для жителей области и города эти встречи стали не только желанными, но и необходимыми. Что люди после них становятся мудрее и добрее, и что света в России прибывает.